

УДК 130.2:[141.319.8+161.225.11]

И. О. Буйленков

Формы трансляции экзистенциального опыта в концепции культуры Виктора Уиттера Тернера

На основе концепции культуры В. У. Тернера исследуются периоды лиминальности и лиминоидности как феномены перехода некоей социально-культурной целостности в новое культурное состояние. Автор связывает процессуальный анализ экзистенциального опыта с формами структурного подхода и коммунистас, являющимися базисными основаниями культуры. Подчеркивается влияние процессов модернизации на переход общества от механической к органической солидарности. Раскрывается эвристический потенциал концепции в рамках современного культурологического исследования.

Цель статьи – рассмотреть концепции лиминальности и лиминоидности в рамках теории ритуалов перехода и обретения новых смыслов В. У. Тернера. Для выявления процессов модернизации в культуре исследуется связь концепций лиминоидности и лиминальности В. У. Тернера [13] с концепцией механической и органической солидарности Э. Дюркгейма [11, р. 218]. В. У. Тернер рассматривает данное соотношение в качестве примера, а не глубокого изучения процессов модернизации общества. Обращаясь к вопросам лиминоидности в работах представителей разных сфер социального познания, ученые отмечают актуальность идей В. У. Тернера, который отстаивал в обществе процессы диалектического развития, освобождения от структуралистских империтивов, консерватизма. Изучение ритуалов перехода в культурологии, социологии и других дисциплинах стало предметом исследования Ю. М. Трещенок [9; 10]. Повышенный интерес ученых к процессам лиминальности в современной культуре и в целом в обществе способствовал дифференциации подходов к пониманию сути ритуалов перехода. Е. Г. Гребенюк, используя психоаналитический метод, обосновал значение концепции в психологии [4], Л. В. Сморгунов рассматривает этот феномен в политологии [8].

В теории ритуалов В. У. Тернера базисными основаниями выступают два типа опыта.

Структурный тип опыта, по В. У. Тернеру, обретается индивидами в условиях отношения к объекту как элементу структуры, то есть объект рассматривается исключительно как носитель тех или иных качеств, актуальных для функционирования социальной структуры. В социальных отношениях объект рассматривается как носитель тех или иных прав и обязанностей. У М. Бубера эти отношения представлены как соотношение «Я – Ты» [2, с. 16], у М. Вебера в виде теории социального действия, у Ж. Батая ограничения в рамках концепции трансгрессии [1,

с. 515]. Структурные отношения также применимы к неодушевленным объектам, которые рассматриваются как носители полезных и вредных свойств в рамках достижения тех или иных целей. Такая же форма отношений возможна и при взаимодействии с трансцендентным объектом, который рассматривается как источник тех или иных благ или вызовов в определенных условиях. Структурные отношения направлены прежде всего на противостояние внешним и внутренним вызовам.

С точки зрения рассматриваемой концепции структурных отношений недостаточно для формирования общества как единой системы. Эффективность отношений обеспечивают не только выгоды, но и определенные ограничения: субъекты социальной структуры вынуждены не только пользоваться правами, но и исполнять обязанности. Кроме того, для формирования общественной структуры необходимо сформировать отношения доверия между субъектами, на что обращал внимание Э. Дюркгейм, говоря об отрицательной солидарности [5, с. 125, 126].

В. У. Тернер отмечал, что элементы структуры рискуют утратить первоначальный смысл своего существования – и прежде всего в обеспечении эффективного функционирования общества и исполнении возложенных на него функций. Все эти факторы приводят к выводу, что человечеству необходим опыт, формирующий и поддерживающий единство общества.

Такой опыт, с точки зрения В. У. Тернера, субъект обретает в рамках экзистенциального опыта коммунитас. В его рамках индивид воспринимает объект отношения не как набор актуальных характеристик, а как целостность. Модель взаимодействия людей в состоянии коммунитас подобна миру «Я – Ты», описанному М. Бубером [2, с. 16]. В этом обществе личности, проявляя свою индивидуальность, освобождаются от предписываемого социальными ролями нормативного поведения.

Тип отношений, описанный М. Бубером, Э. Дюркгеймом, Ж. Батаем и В. У. Тернером, присутствует исключительно на экзистенциальном уровне, однако по причине его интенсивности и значения для общества он объективируется в его семиотической системе, являясь средством для новой актуализации данного опыта. Такие формы объективации В. У. Тернер назвал нормативной коммунитас [13, р. 132]. Нормативная коммунитас актуализируется в процессе общественного взаимодействия в момент, который В. У. Тернер определил как социальную драму, то есть момент, когда противоречия в процессе общественного взаимодействия подвергают опасности основы единого функционирования общества. Примерами социальной драмы может быть инициация, в рамках которой, с одной стороны, индивид или группа должны быть подготовлены к занятию новой общественной позиции, с другой – само общество должно быть подготовлено к происходящим переменам; пере-

ход от одной формы взаимодействия в обществе к другой (как в случае смены сезонов); радикальные внешние и внутренние вызовы и т. д.

Основной формой процессуального воплощения нормативной коммунитас, согласно В. У. Тернеру, является *лиминальность* (от лат. *limen* – порог). Этот термин впервые использовал А. ван Геннеп, который, формируя универсальную схему ритуалов, говорил, что всякий ритуал включает в себя три в различной степени развитые стадии: отделение, порог и присоединение, или, иными словами, прелиминальную, лиминальную и постлиминальную стадии [3, с. 15]. На стадии лиминальности ритуальные субъекты имеют наименьшую связь с прошлым и будущим состоянием. Они уже откреплены от прошлого состояния, но еще не стали частью будущего, пребывают между элементами структуры общества, но еще не включены в нее в новом качестве, потому наделяются антиструктурными значениями, уподобляются внеструктурным элементам: животным, преступникам, трансцендентным существам, чужакам и т. д. С одной стороны, демонстрируется слабость ритуальных субъектов (так как они лишены преимуществ, обретаемых за счет членства в социальной структуре), с другой – их сила (так как они не подвержены ограничениям, налагаемым социальной структурой).

В. У. Тернер наряду с лиминальностью выделяет также *лиминоидность* как форму нормативной коммунитас. Термин *лиминоидность* (от лат. *limen* – порог и суффикса производного от греч. *εἶδος* – подобие) В. У. Тернер ввел для описания феноменов культуры обществ, переживших промышленную революцию, в то время как лиминальность он предлагал применять по отношению к обществам, еще не претерпевшим таких изменений.

При этом в концепции культуры В. У. Тернера отчетливо видится выделение отличительных свойств лиминальности и лиминоидности. Так, лиминоидность – это явление в культуре, обладающее всеми свойствами лиминальности по отношению к структуре и коммунитас, то есть является одной из форм нормативной коммунитас, но при этом не имеет ярко выраженной пороговой формы, а соответственно, обретает особое восприятие в культуре, то есть лиминоидность. Лиминоидность скорее является зародышем лиминальности, а при благоприятных условиях в процессе развития может обрести черты лиминальности. Следует отметить, что далеко не все проявления лиминоидности впоследствии становятся лиминальностью и для современной культуры это характерно в большинстве случаев.

Чтобы понять разницу между лиминальностью и лиминоидностью, необходимо обратиться к противопоставлению работы и досуга в концепции культуры В. У. Тернера. Под работой он понимает деятельность индивидов, подчиненную определенным правилам и направленную на достижение результатов, связанных с реакцией общества на внеш-

ние и внутренние вызовы. Под досугом – деятельность, не подчиненную конкретным правилам (которые могут как отменяться, так и вводиться новые), направленную на достижение морального равновесия индивидов. Понимая досуг и работу таким образом, можно по-новому интерпретировать термин «лиминальность» – как работу по форме и досуг по цели. Лиминоидность же является досугом в полном смысле этого слова и по форме, и по цели.

В. У. Тернер концепцию лиминоидности и лиминальности связывает с концепцией органической и механической солидарности Э. Дюркгейма. Лиминальность соответствует механическому типу солидарности, лиминоидность – органическому типу [12, р. 53]. Анализируя суть и формы социальной солидарности, Э. Дюркгейм сопоставляет два типа общества. В обществах с механической солидарностью (при растворении индивидуальных сознаний в коллективном) происходит минимальное разделение труда, с органической солидарностью (основанной на автономии индивидов, разделении функции) – определенное различие форм трудовой деятельности [5, с. 140, 141]. Концепция культуры В. У. Тернера основана и на отношении к труду как к структурной деятельности. Соответственно, разные формы структурной деятельности предполагают разные формы актуализации опыта коммунитас. В рамках обществ, в которых отсутствует разделение труда, структурные отношения для большинства индивидов примерно одинаковы. Такое рассмотрение традиционного общества также объясняет особую сакральную роль кузнецов и прочих индивидов, обладающих исключительным ремеслом, индивидуальной структурной деятельностью, не свойственной большинству населения общности данного типа.

Для механической солидарности характерно присоединение индивидов к обществу и занятие тех или иных позиций в зависимости от внешних по отношению к индивиду обстоятельств. В обществах с органической солидарностью индивид занимает ту или иную позицию в социальной структуре исходя из личных предрасположенностей. Следовательно, общества органической солидарности открывают равные возможности для всех индивидов для полной реализации потенциала каждого, а общества механической солидарности на всех этапах в силу изолированности привержены одним и тем же ценностям. В обществах механической солидарности всегда есть определенные возможности выбора, в обществах органической солидарности не удается до конца игнорировать факторы, воздействующие на индивида извне и определяющие его дальнейшее положение в обществе.

Таким образом, сопоставление лиминальности и лиминоидности с типами солидарности дает большие возможности для более глубокого понимания данных феноменов. В случае механической солидарности структурно необходимо, чтобы у членов общества коллективное созна-

ние доминировало над индивидуальным, без этого не возможен эффективный ответ общества на внешние и внутренние вызовы. Взаимосвязь этих сегментов в рамках одного общества построена на наличии примерно одинаковой структурной деятельности индивидов. Таким образом формируются благоприятные условия для одинаковых форм антиструктурной деятельности, и, как следствие, для использования одних и тех же форм нормативной коммуниас, что приводит к интенсивному структурированию ритуальной жизни. При этом отличительные характеристики членов общества могут одновременно привести к формированию тайных обществ, которые из-за небольшого разнообразия форм структурной жизни обществ механической солидарности также обладают подобием, что создает условия для их рутинизации.

Для эффективного функционирования обществ органической солидарности необходимо доминирование индивидуального сознания над коллективным, потому общие формы нормативной коммуниас могут иметь ритуальную значимость лишь для ограниченного круга членов общества. Это связано с тем, что структурная деятельность в рамках данного общества крайне разнообразна во всех сферах. Всякий индивид стремится к характерной только ему форме структурной деятельности, и, как следствие, – нормативной коммуниас, которая едва ли подвергается рутинизации.

Однако при этом все же сохраняются общие формы антиструктурного взаимодействия, и лиминальность не исчезает. Это связано с тем, что в рамках общества органической солидарности сохраняются общественные сегменты, имеющие черты механической солидарности. Они могут быть представлены как формы лиминальности в своем классическом варианте. С другой стороны, сочетание различных элементов структурных действий могут соответствовать одинаковым формам нормативной коммуниас.

Отметим, что возникновение или создание долговременной нормативной коммуниас в обществе органической солидарности практически невозможно. Общность, объединенная исключительно механическими факторами (место жительства, возраст, национальность, религиозная принадлежность и т. д.), нуждается в одинаковой форме структурной деятельности, при которой индивиды выполняют функции, направленные на противостояние внутренним и внешним вызовам против них, их семей или членов группы.

В традиционной культуре формы структурного взаимодействия регламентировались, и такое упорядочивание обретало свою легитимацию за счет традиции, которая давала всем индивидам единую модель восприятия мира. В таком обществе возможно существование нормативной коммуниас, актуальной для разных поколений. В силу сложности передачи форм нормативной коммуниас из поколения в поколение

в обществе органической солидарности лиминоидность не структурируется, формируется и меняется индивидами произвольно свобода регламентации отношений.

Однако согласно тернеровской концепции, лиминоидность способствует различению нормативной коммунитас обществ до и после индустриальной революции. В данной статье формы нормативной коммунитас рассматриваются не в отношении к конкретным историческим этапам развития культур, а в ориентации на специфику их свойств.

В обществах органической солидарности нормативная коммунитас по форме ближе к лиминальности, так как является либо продуктом индивидуального или группового творчества, либо попыткой восстановить утраченные формы.

Общества органической и механической солидарности могут быть рассмотрены как идеальные типы. Значит, лиминальность и лиминоидность в них соседствуют, и отличие одного типа общества от другого в том, что один из типов нормативной коммунитас доминирует над другим.

Учитывая тот факт, что основанием различения лиминоидности и лиминальности служит структурированность, можно говорить и о двух данных типах нормативной коммунитас как о двух идеальных типах: форма общественного взаимодействия, направленная на актуализацию антиструктурного опыта, при которой отчетливо прослеживаются прелиминальная, лиминальная и постлиминальная ритуальные стадии.

Современные белорусские культурологи подчеркивают актуальность и важность рассматриваемой темы. А. И. Смолик акцентирует внимание на формировании культурных гибридов как продуктов диалога культур [7, с. 157, 158]. Это может быть рассмотрено как процесс, характерный для культуры с доминирующей лиминоидностью. По его мнению, подобные явления происходят внутри белорусской культуры, характеризующейся интенсивным взаимодействием двух аксиологических блоков: советские ценности; и ценности, являющиеся продуктом западной культуры [6, с. 197, 198]. Такая эклектика является характерной чертой культуры с доминирующей лиминоидностью и может использоваться для анализа актуальных для белорусской культурологии тем.

Таким образом, выделение основных форм обретения экзистенциального опыта – лиминальности и лиминоидности – позволяет проследить подобие форм нормативной коммунитас. С другой стороны – указывает на различие современной культуры с культурами, не прошедшими через индустриальную революцию. Ценность данной концепции состоит в возможности ее широкого применения для исследования семиотической системы общества, для изучения ритуала в узком религиозном и широком значении, связанном с особой смысловой наполненностью объекта.

Современные теоретики рассматривают лиминальное мышление как ценный источник творческих идей, моменты озарения, путь навстречу возможностям, что нас окружают и которые мы используем, перешагнув тот или иной порог, чтобы изменить мир, существующий вокруг и внутри нас. А. Эйнштейн в свое время возлагал надежды на новый способ мышления, который помог бы человечеству в ядерный век выжить и перейти на более высокий уровень развития. Его представления о ясном и надежном способе совместной созидательной работы нашли отражение в современном лиминальном мышлении, способном изменять мир вокруг себя и помогающем ориентироваться в сложной, многоплановой реальности.

Отметим также, что функционирование лиминальных переходов в условиях нашей реальности может пролить свет на понимание того, как происходят культурные и когнитивные трансформации, пути их мирного разрешения, а главное – открыть возможности их применения в культуре и других сферах деятельности.

1. Батай, Ж. Эротика / Ж. Батай // Проклятая часть : авт. сб. ; пер. с фр. / сост., предисл. С. Зенкин. – М. : Ладомир, 2006. – 742 с.

2. Бубер, М. Я и Ты / М. Бубер ; пер. В. В. Рынкевич // Два образа веры. – М. : Республика, 1995. – 464 с.

3. Геннеп, А. ван. Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов / А. ван Геннеп ; пер. с фр. Ю. В. Ивановой, Л. В. Покровской ; ред. изд. С. В. Веснина ; посл. Ю. В. Иванова. – М. : Вост. лит., 1999. – 198 с.

4. Гребенюк, Е. Г. Ритуал перехода и психотерапия / Е. Г. Гребенюк // Консультативная психология и психотерапия. – М., 2016. – Т. 24. – № 1. – С. 97–108.

5. Дюркгейм, Э. О разделении общественного труда. Метод социологии / Э. Дюркгейм ; пер. с фр. А. Б. Гофмана ; прим. В. В. Сапова. – М. : Канон, 1996. – 432 с.

6. Смолик, А. И. Аксиологическое измерение социодинамики белорусской транзитивной культуры / А. И. Смолик // Беларуская культура ва ўмовах глабалізацыі : матэрыялы навук. канф., прысвеч. 35-годдзю БДУКМ, 3 снеж. 2010 г. : у 2 т. / рэдкал.: М. А. Мажэйка (старш.) [і інш.] ; Беларус. дзярж. ун-т культуры і мастацтваў. – Мінск, 2011. – Т. 1. – С. 194–198.

7. Смолик, А. И. Этноконфессиональный аспект межнациональной стабильности в современных условиях / А. И. Смолик // Казахстан – Беларусь: опыт гуманитарного сотрудничества и сохранения межнациональной стабильности : материалы II Казахстанско-Белорусского форума культурологов, Минск, 30 окт. 2009 г. – Минск, 2010. – С. 147–158.

8. Сморгунюв, Л. В. Политическое «между»: феномен лиминальности в современной политике / Л. В. Сморгунюв // Политические исследования. Полис. – М., 2012. – № 5 (131). – С. 159–169.

9. Трещенок, Ю. М. «Обряды перехода» Арнольда ван Геннепа, его теория и метод : в 3 ч. / Ю. М. Трещенок. – Тамбов : Грамота, 2016. – № 12 (74). – Ч. 2. – С. 179–182.

10. Трещенок, Ю. М. Изучение ритуалов перехода в современном религиоведении : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.14 / Ю. М. Трещенок. – СПб., 2017. – 172 с.

11. Durkheim, E. The Elementary Forms of Religious Life / E. Durkheim ; transl. and intr. K.E. Fields. – New York : The Free Press, 1995. – 535 p.

12. Turner, V. W. From Ritual to Theater. The Human Seriousness of Play / V. W. Turner. – New York : PAJ Publication, 1992. – 128 p.

13. Turner, V. W. The Ritual Process: Structure and Anti-Structure / V. W. Turner. – New York : Cornell University Press, 1991. – 224 p.

I. Builiankou

**Forms of existential experience's transmitting
in the culture concept by Victor Witter Turner**

On the basis of the culture concept by V.W. Turner periods of limitingness and liminoidity as phenomena of transition of a certain socio-cultural integrity into a new cultural state are investigated. The author connects the procedural analysis of existential experience with the forms of structural approach and communitas, which are the main bases of culture. The influence of modernization processes on the transition of society from mechanical to organic solidarity is emphasized. The heuristic potential of the concept within the framework of modern culturological research is revealed.

Дата паступлення артыкула ў рэдакцыю: 24.09.2018.

РЕПОЗИТОРИЙ БГУКИ